

КАТАРСИС

МИА МУР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Миа Мур
Катарсис

«Автор»

2026

Мур М.

Катарсис / М. Мур — «Автор», 2026

Идеальная дочь, лучшая ученица, душа компании — такой старшекласница Ева Нильсон была до аварии. Потеряв память, она сбегает в Нью-Йорк, надеясь начать всё заново. Первая любовь лечит, и постепенно жизнь налаживается. Только вот, почему Еве кажется, что она упускает что-то важное?

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Миа Мур Катарсис

Глава 1

Я застегнула ремень безопасности и посмотрела в окно — улицы родного города исчезали, как кадры фотоплёнки. Хотя воспоминаний о здешних местах не осталось, что-то неуверенно скребло в душе. Может, сердце помнит больше, чем разум?

Закрыв глаза, я постаралась прогнать тревожные мысли. Всё правильно. Оставаться в Пристоне нельзя — здесь не хватает воздуха. Десятки глаз каждый день прожигают меня, то ли с жалостью, то ли с презрением, а друзья сводят с ума одним существованием. Ведь у меня друзей нет, и я не знаю девушку, с которой эти люди были близки. Видимо, та Ева была открытой и дружелюбной, очень нравилась людям. Все следы её присутствия пусть остаются в Пристоне — фотографией на школьной доске почёта, парным кулоном на шее некогда близкой подруги, подписанными открытками, первым поцелуем и свиданием, эхом музыки с громких вечеринок и яркими мазками в воспоминаниях окружающих. Я устала от попыток удерживать равновесие на тлеющем пепле её образа.

В конце концов, врачи рекомендовали избегать стресса. Жизнь в Пристоне после аварии — один сплошной стресс. Все, кроме меня, знают, что я за человек, и считают своим долгом об этом поведать. В большом городе удастся затеряться. Новая жизнь будет принадлежать только мне: никаких больше тайн.

— Простите, — вырвалось неожиданно.

Папа молча вёл машину. Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида.

— Я знаю, что вы не хотели уезжать. Вам и не нужно было, так что, спасибо. И простите.

— Ева, — с опечаленным вздохом обернулась мама, — Но это не так. Если переезд всё-таки пойдёт тебе на пользу — он совсем не проблема. Мы готовы на всё ради тебя, — она протянула руку и приободряющее сжала мою ладонь. — Тем более, в Нью-Йорке есть хороший доктор, много наших знакомых и партнёров... И Пристон всё ещё очень близко.

Мамин взгляд проскользнул по моему лицу — с надеждой искал что-то, напоминающее её ребёнка. Стало не по себе.

— Послушаем музыку? — предложила я и опустила стекло, чтобы согнать приступ тошноты.

Папа переключал песни, пока не услышал одну конкретную.

— Ой, Ева, это же твоя любимая, — улыбнувшись, мама снова обернулась, и я улыбнулась в ответ, не упоминая о том, что первый раз в жизни слышу этот трек.

Родители меня не узнавали. Их слова, действия, взгляды — так ведут себя только рядом с малознакомыми людьми.

Большую часть времени эти двое вообще не говорили друг с другом, но стоило мне уйти спать, как с кухни начинали доноситься обвинения и оскорбления, летала посуда. Стала ли моя амнезия катализатором затянувшейся семейной драмы, или, наоборот, сплотила двух несчастливых людей у общей проблемы — я не знала. Хотелось надеяться на второе. Хватит с меня и одного пострадавшего человека.

Дом в Нью-Йорке оказался не просто маленьким — это был фасад из красного кирпича, плотно зажатый между такими же. Рядом немного зелени, ненадёжный низкий заборчик и бетонные ступени, ведущие ко входу. Нас окружал характерный шум мегаполиса. Папа прокрутил ключ и дверь со скрипом отворилась, пропуская в тень и относительную тишину прохладного здания.

— Мебель привезут вечером, — он уже бывал здесь, сам нашёл это место, так что особых чувств либо не испытывал, либо не показывал. А вот на маму как ведро холодной воды вылили. Оно и понятно — в Пристоне мы жили в огромном особняке с бассейном и просторным задним двором, а теперь будем тесниться здесь.

Родители поставили на пол небольшие коробки из машины.

— Поеду разберусь с документами, — папа положил дубликат ключей от дома на кухонный гарнитур — единственное, что было в этих стенах, — и вышел на улицу. Я проводила его взглядом. Хотелось что-то сказать, а может, услышать, но дверь закрылась, и мы с мамой остались одни.

— Ну что? — натянула улыбку она. — Пробежимся по магазинам? Если собираешься завтра в школу, надо обязательно что-то прикупить.

— Конечно, — было бы жестоко не поддержать эту заранее обречённую попытку делать вид, что всё хорошо. Кажется, только на таких попытках до сих пор держалась наша семья.

Город выглядел так, словно нарисован чёрно-белой палитрой. По дорогам выстроенных в прямоугольную сетку улиц расплзался хищный туман.

Когда-то я хорошо ориентировалась в здешних проспектах и линиях метро, сейчас же торопливо шагала возле мамы, стараясь не пялиться на прохожих. От спящих на картонках бездомных, до обличённых в бренды обладателей люксовых авто — в Нью-Йорке умещалось всё. Я думала о том, что стать частью этого хаоса будет непросто, но когда это произойдёт, ноющая в груди дыра заполнится. У меня появится дом.

День для прогулок, и правда, выдался не лучшим, но мама выглядела спокойной, и было совсем не сложно ей подражать. Она указала на вывеску магазина и воодушевленно ускорила шаг. Внутри тихо играла попса, горел больнично-белый свет, а всё свободное пространство, напоминающее огромный производственный цех, оказалось заставлено вешалками с дешёвой одеждой.

Как знаток своего дела, мама проходила по рядам, цепляла приглянувшиеся вещи и вручала мне. Я смиренно плелась следом. Вскоре стопка безвкусных тканей стала грозить свалиться на пол, и меня милосердно отпустили в примерочную.

Плотно закрыв дверцу, я положила одежду на пуфик и посмотрела в зеркало. Точнее, в зеркала. Они имелись на каждой стенке примерочной: отражали и анфас, и профиль, и даже спину так, чтобы одновременно видеть себя со всех сторон.

От характерного запаха секонд-хенда разболелась голова. Сверху горы вещей лежал облегающий лонгслив со смелым декольте. Боже мой, неужели это выбиралось для меня? Расстраивать маму не хотелось, в конце концов, просто померить не так уж и сложно. Я расстегнула молнию худи и, сняв его, замерла.

В отражении на моей спине была татуировка. Насыщенные чернила ярко выделялись на бледной коже.

Какого чёрта?!

Я вытянула шею, пытаюсь рассмотреть спину, затем обернулась, ища ракурс, где будет видно лучше — все отражения беспорядочно суетились, повторяя за мной.

Вдоль позвоночника развевались и распылялись неоднозначные образы, тени, линии, крапинки, и красовалась вертикальная надпись на иностранном языке.

Когда я набила её?! За два месяца после аварии, все, кто знал меня в Пристоне, выболтали в подробностях о моей личной и публичной жизни. Как никто не удосужился рассказать о татуировке? Неужели, никто не знал? И почему я сама не замечала?

— Нет...

В больнице обещали, что большая часть случаев амнезии обратимы, что с восстановлением проблем не будет.

Мне обещали, что даже если прошлое исчезло навсегда, все новые воспоминания останутся со мной.

От размышлений быстро отвлёк приступ мигрени. Я сжала зубы и закрыла глаза, медленно опускаясь на корточки.

Спустя час, предложенные мамой вещи были успешно померены и высоко оценены. Она выбирала яркие, подчёркивающие фигуру фасоны. Наверняка, именно такую одежду носила Ева. И ей, конечно, шло. То есть, мне шло.

Мама не скоро, но считала унылую атмосферу, и положила ладонь мне на плечо – я не увидела обручального кольца.

— Тебе так идёт, Ева.

— Мне немного неудобно в этом, прости.

— Ты красивая девочка, нужно подчёркивать свою красоту.

Мы с мамой были очень похожи – чертами лица, а в прошлом, наверняка, чертами характера. Она была молодой и стройной, всегда делала тяжёлый макияж и длинный маникюр. Ярко одевалась, не любила поднимать что-либо тяжелее банковской карты. С любопытными соседями вела себя грубо, а с моими бывшими подругами слишком уж мило. Больше я об этой женщине ничего и не знала. Ну, кроме ещё того, что она очень сильно меня любила. Или ту, кем я была.

— Давай купим то, что ты хочешь.

Я облегчённо кивнула.

Домой вернулись с пакетами чёрной, объёмной одежды и бытовой мелочёвки. Оказалось, что мебель уже доставили, и начали разгружать. Папа командовал одними грузчиками, мама другими, а я стояла на улице, прислонившись к забору, и куталась в большую тёплую кофту. Улицы потемнели, но тише не стали. Ветер хулиганил с моими волосами без конца скидывая светлые кудри на глаза.

Задние фары грузовика мигали оранжевым светом — постепенно он опустел. Вот так просто перевезти свою жизнь в другое место. Обставиться той же мебелью и жить с теми же людьми. Разве могут возникнуть какие-то проблемы?

— Ева.

Я повернулась на папин голос. Он подошёл ближе и достал пачку сигарет.

— Чего ты стоишь на холоде?

Грузовика уже и не было. Папа щелкнул зажигалкой и сделал затяжку. У него были густые седые волосы, зачёсанные назад, и совсем не портящие внешность, благородные морщины.

— Пап, а мы продали дом в Пристоне?

— Уже хочешь вернуться? — он выдохнул дым в сторону. — Я в курсе, что Нью-Йорк не самый красивый город, но что-то ты быстро.

— Нет! Просто интересно, — смутилась я. Тишина затянулась, но уходить не хотелось. — Вы так долго не хотели переезжать, а потом, вдруг, сами предложили...

— Не думай об этом, Ева. Займись учёбой. С остальным разберутся родители.

Я опустила взгляд. Мама с папой не обсуждали со мной вообще ничего. Ни счета за лечение, ни разбитую машину, ни переезд. Даже Алекса.

— Этот учебный год важнее всех предыдущих. У тебя были и есть все шансы поступить в престижный университет. Не упusti их.

— Хорошо, конечно.

К полночи все вещи были разобраны. Дом больше не выглядел пустым, но и уютным назвать его было сложно: наша дорогая массивная мебель из дерева смотрелась чуждо на истёртом паркете, среди выкрашенных в кремовый цвет стен.

Уснуть долго нет получалось. Я боролась с собой, но проиграла – разблокировала телефон и написала сообщение бывшей лучшей подруге. Та сразу позвонила.

— Приветик, Ева. Не спится?

Я согласно промычала, и выпутавшись из одеяла села у окна. Оно выходило на красный кирпичный дом с кучей пожарных лестниц, дорогу, и перекрывающие друг друга огромные бетонные здания.

— На новом месте всегда так. Кстати, когда будешь засыпать, попроси, чтобы тебе приснился твой будущий жених.

У Кэтрин был интересный акцент, так и не выветрившийся за годы жизни в Штатах. Не удивительно, ведь вся её большая семья постоянно говорила на разных языках, и мне хватило одного похода в гости, чтобы понять: энергия и позитив у них в крови.

— Нет, ну серьёзно. Нью-Йорк — это самое крутое место в мире. Можно жить, как в сериале «Секс в большом городе», или «Сплетница», или «Пятьдесят оттенков...».

— Пожалуйста, перестань, — я смутилась.

Голос Кэтрин, даже искаженный динамиком телефона, был намного более весёлым, чем реальная обстановка вокруг. Она смеялась, и от этого звука в груди разливалось тепло.

— Ладно тебе. Ты же не станешь затворничать из-за Алекса?

Видимо, я слишком долго подбирала ответ. Кэтрин стояла где-то на улице: слышались обрывки чужих голосов и приглушенная музыка вдалеке.

— Ева! Не смей ставить свою жизнь на паузу из-за него.

— Это из-за меня его жизнь на паузе...

— Стоп! Мы ещё точно не знаем, кто и в чём виноват. А истеричные припадки Кристофера не бери в голову, он просто псих.

— Он имеет право злиться.

— Пусть злится на того, кто в вас врезался.

В большинстве квартир напротив уже погас свет. Вдалеке слышался вой сирены. Я открыла окно, впуская прохладный воздух — кожа мгновенно покрылась мурашками.

— С Алексом ничего не случится. Лежит и лежит себе. Считаю, отсыпается. Я слышала его поместили в дорожную больницу.

— Ну, не надо так...

— А как? Я его ненавижу. Ты просто не помнишь, что это за человек. И очень жаль, потому что я бы хотела получить подробные объяснения, желательные изложенные на бумаге, о том, какого чёрта ты оказалась в одной машине со своим неадекватным бывшим.

Я прикрыла глаза.

— Я же говорила...

— Да-да, ты не помнишь. Как вспомнишь, дай знать. Девочки тоже с ума сходят от злости и любопытства. Им, кстати, что про твой переезд сказать?

— Скажи, что ничего не знаешь ладно? Пожалуйста, Кэтрин.

Она протяжно выдохнула.

— Ладно. Постараюсь не разболтать. Хотя я всё ещё не совсем понимаю, как Нью-Йорк поможет тебе вспомнить свою жизнь в Пристоне.

— Может, я не хочу ничего вспоминать.

— Ауч. Это больно, знаешь ли.

Я поджала губы. Тяжело было представить, какого Кэтрин общаться со своей лучшей подругой, напрочь забывшей об их многолетней дружбе. Не желая принимать такую реальность, после аварии Кэт всегда пыталась помочь и вела себя по-родительски снисходительно, не понимая, что обижает меня. Ведь мне не нужны были опека и внимание, как ребёнку. Её искренние намерения сильно давили, я отдалялась дальше и дальше, пока Кэтрин не поняла — как раньше уже не будет. Теперь наша дружба — её личный тайник. Но она всё ещё готова схватиться за любую возможность открыть его.

— А на счёт татуировки, честно, первый раз слышу. Мне ты точно такого не говорила, а значит никому другому тоже. С чего бы вдруг ты решила что-то набить?

— Я не решила. Всё уже набито.

— Что-о?! С ума сойти, — её пробрал истеричный смех.

— Без понятия, как так вышло.

— Ну ты даёшь. Скинь фото. Можем вместе поискать в аккаунтах тату-салонов Пристона. Хотя, тот, кто набил несовершеннолетней татуировку, вряд ли станет хвастаться.

Хорошая идея.

Кто-то звал её танцевать.

— Спасибо, Кэтрин.

— Ещё не за что.

— Нет, есть за что. Спасибо. И спокойной ночи.

Она отвлеклась, и я уже хотела завершить звонок.

— Сладких снов, Ева. Не пропадай, или приеду к тебе сама.

Мне приснился скользкий по медным волосам луч солнечного света. Веснушки, тёплый взгляд карих глаз. Кто-то крепко держал мою ладонь, и от этого внутри порхали бабочки.

Утром, умываясь холодной водой, я вдруг узнала парня из сна. Это был Алекс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.